

Памяти Вахтангова

К 16-летию со дня смерти

I

Впервые я увидел Евгения Багратиони-вича в спектакле 1-й студии МХАТ «Сверчок на печи» (мистер Текльтон). Я был тогда еще маленьким мальчиком, очень любил Диккенса, и посмотреть Диккенса в театре было для меня большим счастьем и радостью. Помню, как я крепко сжимал руку своей матери и от волнения и необычайности всего происходившего на сцене едва переводил дыхание. Я любил трогательного Калеба, я ненавидел Текльтона (Е. Б. Вахтангова), но мне становилось его нестерпимо жалко, когда он, сухой и черствый фабрикант игрушек, вдруг на одно мгновение в последнем акте превращался в живого человека, признающего в своем абсолютном одиночестве. «Джон... Мери... Друзья». Эти слова, которые произносил Текльтон—Вахтангов, звучат у меня в ушах до сих пор, и весь он, с его прищуренным глазом, стоит передо мной совершенным воплощением диккенсовского замысла, такой великолепный и удивительный по мастерству, что забыть его или как-нибудь ослабить это поразившее мою душу впечатление совершенно невозможно.

Такое впечатление производила на меня еще только игра великого К. С. Станиславского. Оба они — и К. С. Станиславский и Е. Б. Вахтангов — лепили, как мне кажется, образ несколько иначе, чем остальные актеры. Много интеллектуальной творческой энергии вкладывали они оба в свое совершенное искусство.

II

Вспоминаю свой экзамен в школу 3-й студии МХАТ (так назывался тогда нынешний театр им. Евгения Вахтангова).

Показывался я совершенно бездарно, неловко и для всех до смешного, а лично для меня еще и до обидного, ошибочно. Мне предложено было притти за результатами экзамена через несколько дней. Однако, будучи не в силах вынести такой продолжительной и томительной неизвестности, я не ушел из студии, а спрятался за кучу дров, сваленных в коридоре. Поблизости была входная дверь, и когда, — подумал я, — актеры будут расходиться с репетиции (Евгений Багратионович репетировал тогда вторую редакцию пьесы Метерлинка «Чудо св. Антония» обычно до глубокой ночи), я, может быть, и услышу, что они обо мне говорят и есть ли у меня шансы быть принятым в школу...

Сидел я в своей засаде долго, часа два. Вдруг слышу — идут! Я затаял дыхание. Прошло несколько человек: обо мне ни слова. Тишина. Снова голоса, причем на этот раз я отчетливо слышу: «А как тебе понравился этот идиот?» (я читал на экзамене рассказ князя Мышкина о Швейцарии из романа Достоевского «Идиот»), и — о ужас! — кто-то, уже хлопая дверьми, говорит совершенно безнадежным тоном: «Проб!..» Ай, ай, ай, — подумал я, — как нехорошо!

Посидев еще около часа в своей березовой крепости, я вдруг почувствовал, что мне совершенно необходимо сейчас же и немедленно опровергнуть это убийственное для меня заблуждение, которое, вероятно, сложилось обо мне у всех без исключения актеров студии и также, конечно, у самого Евгения Багратионовича (а это самое ужасное).

Я поднимаюсь в фойе, жду прерывающей ночной репетиции, и когда в прерыве Евгений Багратионович вышел из репетиционного зала, я подошел к нему и

спросил: «Евгений Багратионович, вы меня не приняли?». Он отвечает: «Нет!».

Тогда я говорю о каком-то уже совершенно непостижимым и диким вдохновением: «Этого не может быть!» Евгений Багратионович посмотрел на меня внимательно и вдруг говорит мне: «Ну, хорошо, вы меня убедили...»

III

Как бы предчувствуя, что дни его сочтены, Евгений Багратионович работал последнее время сутки напролет. Это было вдохновенное творческое горение, может быть, даже испепелившее этого громадного художника преждевременно. Для того, чтобы понять, сколько глубочайшего оптимизма было в этом человеке, нужно вспомнить, в какой обстановке создавалась «Принцесса Турандот». Как всякий гениальный поэт, Вахтангов был пророком, умеющим смотреть вперед. Турандот — это поэма о светлой радости и



Е. Б. Вахтангов

счастье, которые стали особенно ощутимы нами лишь в последующие годы, в годы расцвета нашей социалистической родины. Но Вахтангов уже тогда, шестнадцать лет тому назад, предчувствовал этот расцвет, видел его и, умирая, воплотил это предчувствие гениального художника в «Принцессе Турандот», в этой своей чудесной лебединой песне.

IV

Незабываемы эти дни прощания с изстрадавшим и любимым человеком, которому нужно было «жить и жить, сквозь годы мчась», как говорил Маяковский.

Была весна, когда мы хоронили его, этого мудрого и большого человека. Зеленными листьями покрылись деревья, зацвели яблони и вишни, распустилась сирень. А Евгений Багратионович лежал неподвижно, весь в цветах, окруженный взошедшей им молодежью, залитый лучами солнца и лучами большой, большой любви.

В. ЯХОНТОВ